

DOI 10.15826/qr.2017.2.239

УДК 94(476)+94(47+57)+94(474.5)

**«МОБИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» КАК ПОИСК
ИДЕНТИЧНОСТИ: КАКИМИ ПУТЯМИ БЕЛОРУССИЯ
ХОЧЕТ УЙТИ ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР***

Александр Филюшкин
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

**“THE MOBILISATION OF MIDDLE AGES” AS A SEARCH
FOR IDENTITY: HOW BELARUS WANTS TO LEAVE
BEHIND THE HISTORICAL HERITAGE OF THE RUSSIAN
EMPIRE AND THE USSR****

Alexander Filyushkin
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article studies the issue of Belarusian national identity and its historical benchmarks: this became especially meaningful after the collapse of the USSR in 1991, which led to the establishment of new states. Belarus became the youngest country of the post-Soviet space. In an attempt to overcome the imperial spiritual and cultural legacy, Belarus's national thought focused on a search for “the country's own Middle Ages”. The Middle Ages represent the starting point of historical memory, the foundation for all the basic features of national sovereignty. It is in that epoch when the myths concerning the *origo gentis*, i.e. the rise of the first state and the beginnings of the first

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080.

** *Citation*: Filyushkin, A. (2017). “The Mobilisation of Middle Ages” as a Search for Identity: How Belarus Wants to Leave Behind the Historical Heritage of the Russian Empire and the USSR. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239.

Цитирование: Filyushkin A. “The Mobilisation of Middle Ages” as a Search for Identity: How Belarus Wants to Leave Behind the Historical Heritage of the Russian Empire and the USSR // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239 / Филюшкин А. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239.

ruling dynasty, are to be found. And it is in those times when the first national heroes and saints lived, and when the country laid the foundations of its relations with neighbouring countries and peoples. The period shapes specific features of the country's culture and determines the main trends of its historical development. For Belarus, the *origo gentis* lies in the representation of Polotsk Rus' as Ancient Belarus, the discourse of the Grand Duchy of Lithuania as the first Belarusian state, various concepts of medieval White Rus' (*Alba Ruscia*) as a specific cultural, civilisational, and contact area, the concept of Belarus as "a shield of Europe" protecting it against the onslaught from the East, etc. The turn to mediaeval images and ideals meant to build the present-day nation and overcome the imperial situation has proved efficient. Nowadays the image of mediaeval Belarus as a predecessor of the present-day Republic of Belarus is not only an image or an intellectual historiographical construct, but a constant of national identity.

Keywords: identity; Middle Ages; Belarus; Polotsk Principality; Grand Duchy of Lithuania; Russian Empire.

Рассматривается проблема белорусской идентичности и ее исторических ориентиров, приобретая особую остроту в период после распада СССР в 1991 г., который привел к образованию ряда национальных государств. Белоруссия оказалась самым молодым государством на постсоветском пространстве. Национальная мысль Белоруссии в поисках преодоления имперского духовного и культурного наследия обратилась к поиску «своего Средневековья». Средневековье стало исходной точкой исторической памяти, в которой закладываются все основные параметры будущей национальной государственности. Именно здесь ищут мифы об *origo gentis* и происхождении первого государства, корни первой правящей династии. Именно в то время жили первые национальные святые и национальные герои. В Средневековье формируются основы отношений с соседними странами и народами. Этот период определяет облик культуры, основные тенденции исторического развития. Для Белоруссии это дискурс Полоцкой Руси как Древней Белоруссии, дискурс Великого княжества Литовского как первого белорусского государства, различные концепции Белой Руси (*Alba Ruscia*) в эпоху Средневековья как особой культурной, цивилизационной или контактной зоны, концепция Белоруссии как «щита Европы» от натиска с Востока и т. д. Обращение к средневековым идеалам и образам для построения современной нации и преодоления имперской ситуации оказалось эффективным. Сегодня средневековая Белоруссия, предшественница современной Республики Беларусь – уже не только образ, не только интеллектуальный историографический конструкт, а константа национального самосознания.

Ключевые слова: идентичность; Средневековье; Белоруссия; Полоцкое княжество; Великое княжество Литовское; Российская империя.

Распад СССР в 1991 г. привел к образованию на его обломках национальных государств. Не все они имели в прошлом опыт «своей государственности». В особенно трудном положении оказалась Белоруссия. В 1919–1922 гг. существовало несколько вариантов объединения белорусских земель в «независимые социалистические республики» (Белорусско-Литовская Советская Социалистическая Республика (1919), Советская Социалистическая Республика Белоруссия (1919–1922), Белорусская Социалистическая Советская Республика в составе СССР (1922–1991)). Но все они были полностью зависимыми от Москвы, входили в состав различных союзных государств, от РСФСР до СССР [Sukiennicki, p. 84–105].

Белоруссия оказалась самым молодым государством на постсоветском пространстве. Мало того, она стала одним из самых молодых государств в Европе (моложе будут только отдельные балканские республики, образованные на обломках бывшей Югославии в 1990–2000-х гг.). В связи с этим проблема белорусской идентичности и ее исторических ориентиров приобретала особую остроту [Уайт, Билецкая, МакАллистер, с. 35–59]. Культ Великой Отечественной войны в современной республике весьма силен, но он апеллирует к совместному прошлому с СССР, что мало сочетается с идеей суверенитета и преодоления «советского наследия». Искать идеалы в истории белорусских земель в составе Российской империи в XVIII–XIX вв. тем более бесперспективно.

В 1990–2010-х гг. в белорусских городах началось массовое возведение памятников средневековым персонажам¹. Аналогичное явление наблюдается и в гербовнике современных белорусских городов, в котором тоже расцвела «мода на Средневековье». В 1998–2011 гг. многие города и села республики получили новые гербы, а некоторые – еще и флаги [Рассадин, Михальчанка; Цітоў, 2010; Адамушко, Елинская]. В разных областях до 25 % гербов содержали средневековые символы (замок, башня, крепость, оружие, ладьи и т. п.). Причем в гербах не всегда отражается абстрактное Средневековье. В геральдике идет прямая апелляция к Великому княжеству Литовскому (далее – ВКЛ). Литовская «Погоня» в 1991–1995 гг. была официальным гербом Республики Беларусь [Цітоў, 1993; Wrona, 168–171]².

¹ Памятники великому князю литовскому Миндовгу (Новогрудок), полоцкому князю Борису Всеславичу (Борисов), великому князю литовскому Ольгерду (Витебск), Ефросинье Полоцкой (Минск, Полоцк), Кириллу Туровскому (Минск, Туров), Франциску Скорине (Минск, Полоцк, Речица, Лида), Всеславу Полоцкому (Полоцк), полоцкому князю Андрею Ольгердовичу (Полоцк), полоцкому купцу (Полоцк), княгине Софии Слуцкой (Слуцк), печатнику Петру Мстиславцу (Мстиславль), волинскому князю Владимиру Васильковичу (Каменец), памятник к 1000-летию Бреста (на постаменте – скульптуры волинского князя Владимира Васильковича, великого князя литовского Витовта и князя Николая Радзивилла Черного), памятник князю Владимиру Васильковичу и его жене княгине Ольге Романовне (Кобрин), Рогнеде и Изяславу (Заславль), памятник основателю полоцкой архитектурной школы зодчему Иоанну (Полоцк), памятник «Баркулабаўскі летапіс» (Быхов), скульптура «Богатырь» (Свислочь).

² См. гербы Витебска, Могилева, Речицы, Браслава, Видзы, Городка и Городокского района, Суража, Уллы и др.

Другим способом обращения к прошлому стало официальное возрождение гербов целого ряда городов, причем специальными президентскими указами возрождались именно гербы эпохи ВКЛ (XVI–XVII вв.)³. В гербы также вносится символика, связанная с бывшими владельцами городов и местечек эпохи ВКЛ и Речи Посполитой⁴. Особый интерес представляет герб города Хотимска Могилевской области, принятый в 2001 г. На нем изображены меч и две серебряные скобы. Это визуализация легенды о хотимском плотнике, спасшем польского короля Болеслава Храброго (967–1025), то есть налицо прямое обращение к образам героев Средневековья, причем польского. Активное использование данных образов в геральдике говорит о том, что апелляция к средневековому прошлому и периоду ВКЛ в современной Белоруссии считается важным элементом конструирования национальной идентичности.

Столь масштабное и практически одновременное появление визуализированных образов, посвященных доимперскому прошлому, свидетельствует, что национальная мысль Белоруссии в стремлении к преодолению имперского духовного и культурного наследия обратилась к поиску «своего Средневековья». Причем наблюдается консенсус и единство и нации, и государственных органов, без поддержки которых установка памятников или принятие новых гербов в Белоруссии были бы невозможны. При этом официальная риторика по-прежнему предпочитает оперировать более поздними образами новейшего времени, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и т. д. [Ушакин], но этот дискурс в последнее время сильно потеснен дискурсом медиевальным.

Почему же для преодоления постимперской ситуации Беларусь апеллирует именно к Средневековью, по сути, «сочиняет его»? Новые государства на постсоветском пространстве (и Белоруссия не исключение) свои культурные идеалы изначально видели в Европе. Стало быть, образ национальной истории должен был строиться по европейским образцам. Каждая европейская нация стремится иметь свою Античность или, по крайней мере, следы связи в древности с античным миром, что придает свою долю уважения глубине культурного слоя. Для стран «без своей Античности» (к числу таковых, например, относятся Россия, прибалтийские республики, скандинавские стра-

³ Позже ее отменили, но и сегодня «Погоня» присутствует в гербах Витебской области, г. Верхнедвинска и г. Лепеля Витебской обл., Гомельской обл., г. Резицы Витебской обл., г. Могилева.

⁴ Как указывает М. М. Елинская: «Один из древнейших белорусских гербов – герб г. Несвижа (1586 г.) с черным гербовым орлом князей Радзивиллов... в гербе г. Слонима 1591 г. золотой лев держит в лапах родовой знак “Лис” канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги. В Коссовском гербе на центральном портале замка размещен “Одровонж” – герб рода Хрептовичей. ... в Государственный регистр внесены официальные геральдические символы Наровли с изображением герба “Побог” Горватов, Лагойска – с “Леливой” Тышкевичей, Кормы – с “Абшланк” или “Лопотов” Быковских, Копаткевичей – с “Корчак” Еленских, Житкович – с “Сестринец” Кучуков, Воложина и Ветки – с “Абданк”, Озарич – с “Дрыей” Козариных. При полном одобрении местных органов власти на гербе г. Ивацевичи размещена “Гоздава” Пацев» [Елинская].

ны и т. д.) Средневековье выступает исходной точкой исторической памяти, в которой закладываются все основные параметры будущей национальной государственности.

Дискурс «своего Средневековья» в конструктивистских моделях национальной культуры тесно связан с проблемой «древнерусского наследия» [Plokhy, p. 10–84; Halperin, p. 157–166], которое сегодня не имеет конвенционального решения (на практически одну и ту же «древнерусскую историю» претендуют Россия, Украина, Белоруссия). И обоснование идеи «своего Средневековья» означает присвоение древнерусского периода себе, а это колоссальный культурный и исторический ресурс. Изначально в нем было намечено четыре вектора. В той или иной степени они представлены в белорусской национальной культуре и сегодня.

Полоцк, Святая София и княгиня Ефросинья

Концепция «Полоцк – первый исторический город Беларуси, первая столица первого государства на территории современной страны» [Тарасаў, 2012, с. 9; ср.: Арлоў, Плыткewiч, Герасiмowiч] заняла свое место в умах не сразу [Лiнднэр, с. 81–85]. Как показал И. А. Марзалюк, идею о Полоцком княжестве как истоке современной Белоруссии создал И. Турчинович в 1855 г. (книга вышла в 1857 г.) [Марзалюк, 2009, с. 8–12; Марзалюк, 2012, с. 52–60; Турчинович]. Стоит заметить, что одна из первых книг по истории Белоруссии М. О. Без-Корниловича, вышедшая в том же 1855 г., также начинается с истории Полоцкого княжества [Без-Корнилович, с. 3–8]. «Полоцко-кривичский миф» о древней Белоруссии, отличной от Киевской Руси, обосновал в 1863 г. И. Кулаковский [Марзалюк, 2009, с. 14–16]. В начале XX в. его развивал В. Ю. Ластовский [Ластоўскi, 1918].

Идея о Полоцком княжестве как истоке современной Белоруссии легла в основу «концепции белорусской автохтонности» особо чистого славянского этнического типа в трудах М. В. Довнар-Запольского: «Белорусское племя искони занимало ту самую территорию, на которой оно живет и поныне, за весьма небольшим исключением. Никакие иные народы никогда не занимали этой территории. Таким образом, белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа, и в этом смысле белорусы, подобно полякам, являются наиболее чистым славянским племенем. В историческом прошлом Белоруссии нет никаких элементов скрещивания, потому что никакие народы в массе не поселялись в этой стороне. В этом смысле белорусы в сильной мере отличаются от украинцев и великороссов» [Довнар-Запольский, 2003, с. 25].

Отсюда был прямой путь к концепции «чистых» и «нечистых» славянских народов. К «чистым» относили белорусов и в значительной степени украинцев, к «нечистым», смешанным с финно-уграми

и татарами, – русских [Ластоўскі, 1997, с. 391–392; Марзалюк, 2009, с. 41]. «Чистота» предполагала древнее происхождение, на что и указывал М. В. Довнар-Запольский, – якобы белорусы со времен Полоцко-кривичской державы жили на своих землях и ни с кем этнически не смешивались.

Концепция «Полоцкой Руси» получила особое развитие в белорусской национальной публицистике после образования национального государства в 1991 г. [Ермаловіч, 1990]. Наиболее откровенно логике обращения к ней объяснил Владимир Орлов. Идея «древнерусской народности» и единого корня русских, украинцев и белорусов, по его мнению, это «пророссийская концепция», поскольку единство происхождения предполагает историческое родство и правоту объединения в целое. А это целое и есть Россия, Российская империя, СССР. В противовес ей выдвигается идея изначального отдельного существования и развития украинцев, белорусов и русских. Здесь мы видим прямое развитие автохтонной идеи М. В. Довнар-Запольского, еще в начале XX в. высказавшего ее в «Истории Белоруссии».

Для древних белорусов, пишет В. Орлов, нужен был древний государственный центр. Если для украинцев это, несомненно, Киев, то для белорусов – Полоцк и Полоцкое княжество [Арлоў, 2008, с. 38–39]. История Полоцка подходила на эту роль по двум обстоятельствам. Он рассматривался как колыбель православия Белоруссии. Именно здесь была третья Святая София восточнославянского мира (кроме киевской и новгородской). Тем самым в полоцкой истории соединялись все три необходимых компонента мифа об *origo gentis*: легенды о древних племенах (кривичи, полочане как непосредственные предки белорусов), легенда о первом государстве и первых князьях (Полоцкое княжество и Рогволодовичи), легенда об обретении веры и первых национальных святых (Ефросинья Полоцкая как святая и христианский просветитель XII в.).

По мнению белорусских публицистов, княгиня Ефросинья Полоцкая (1101/05–1167) была знаменем борьбы Полоцка в его борьбе за независимость [Арлоў, 1992, с. 122]. Помимо нескольких памятников Ефросинье, установленных в разных городах Белоруссии, были восстановлены связанные с ней реликвии, потерянные в XX в. Это знаменитый напрестольный крест работы мастера Лазаря Богши и рака святой, утраченная в 1920-е гг.⁵ На церемонии их освящения президент Белоруссии А. Г. Лукашенко был награжден орденом Святого Владимира [Марцинович, с. 105–106]. Этим символическим актом провозглашалась не только религиозная, но и государственная преемственность Полоцкого княжества и современной Белоруссии и ее правителей.

Вторая причина обращения к истории Полоцкого княжества – признание того, что его суверенитет был утрачен в борьбе с внеш-

⁵ Крест 1161 г. утрачен в 1941 г., в 1997 г. брестским мастером Николаем Кузьмином сделана его точная реплика, рака восстановлена тем же мастером в 2007 г.

ними врагами. Тем самым находилось естественное объяснение, почему Белоруссия обрела свою государственность только в 1991 г.: виной всему указывалась внешняя агрессия. Древняя Белоруссия существовала как независимая держава, но погибла под неудержимым натиском врагов, которые и дальше не давали свободы белорусскому народу. В трактовках национальной истории формировался, по выражению И. А. Марзалюка, «образ захваченного края», своего рода комплекс жертвы [Марзалюк, 2009, с. 133]. Национальная история до обретения независимости изображалась в русле концепции *translatio servilium* – «длющегося рабства».

От Белой Руси к Alba Ruscia

Полоцкое княжество в качестве средневекового начала Белоруссии имело только один недостаток – название. В любых национальных концепциях имя играет первостепенную роль, а Полоцк никогда не назывался «Белой Русью». Поиск обоснований древнего происхождения имени «Белоруссия» стал одним из направлений историографии и национальной мысли [Имя тваё Беляя Русь]. Здесь важную роль сыгнали работы А. Белого [Белы, 2000; Белы, 2013]. Они вызвали большой резонанс, несмотря на неоднозначное отношение к ним в среде профессиональных историков [Мартынюк, 2010, с. 303–308].

Не углубляясь в полемику относительно семантики термина «Белая Русь» в Средневековье и раннее Новое время (обзор см.: [Soloviev, s. 1–33]), обратим внимание на идеологические аспекты поиска. Во-первых, еще при описаниях Полоцкой Руси авторы подчеркивали ее демократический, свободолюбивый, прогрессивный характер. В идее Белой Руси данный концепт получил дальнейшее развитие. Высказывалось мнение, что «Белая» означает «вольная», «свободная» (прежде всего от монгольского ига, повлиявшего самым роковым образом на русских). Эта мысль звучала еще в работах М. Драгоманова, А. Потебни, М. В. Довнар-Запольского [Белы, 2000, с. 4–7]. Тем самым изначальная культурная сущность Белоруссии противопоставлялась «несвободной» Московии – России.

Во-вторых, в историографии существует концепция о переносе названия «Белая Русь» с одного субъекта на другой, с изначальной подлинной белорусской «Белой Руси» на Россию: «белый царь» в титуле русских царей, «царь Белой России» в титуле Алексея Михайловича, «Белая Русь» как обозначение Новгородской республики до ее покорения Москвой, «Белая Русь» как обозначение в XVI в. земель, захваченных русскими государями у Великого княжества Литовского – Полоцка, Смоленска и т. д. [Белы, 2000, с. 29–54]. Здесь проявляется довольно распространенный в национальных идеологиях Восточной Европы дискурс о «похищении названия». Отсутствие в Средневековье названия «Белоруссия» указывает, по мнению авторов, на сложный

характер его бытования и его несомненную связь с землями, подвергавшимися аннексиям со стороны Московской Руси.

В-третьих, несомненно, с точки зрения ученых, связь названия «Белая Русь» с европейской культурой⁶. В европейских источниках оно упоминается куда чаще, чем в восточнославянских. Тем самым еще раз подчеркивается европейский, западный культурный вектор развития, размежевание с Русью/Россией, отличие от нее.

В этом плане интересна развиваемая сегодня в рамках проекта «Беларусь на перекрестке культур и цивилизаций: международные отношения и межкультурные коммуникации в X–XVI веках» (руководитель А. В. Мартынюк) концепция *Alba Ruscia* как особой культурно-цивилизационной зоны контактов средневековых культур. Она претендует на новую теорию, обосновывающую место средневековой Беларуси в системе центральноевропейских государств. Ее цель – «подчеркнуть как средневековые корни названия современного государства Беларусь и современной белорусской нации, так и ситуацию цивилизационного пограничья белорусских земель между мирами *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*» [Мартынюк, 2015, с. 5].

Идея о цивилизационной «особости» «белорусского мира» (высказываемая в несколько иных выражениях, что не меняет ее смысла) в историографии звучит, как показали Р. Линднер и И. А. Марзалюк, начиная с работ уже упоминавшегося И. Турчиновича [Линднер, с. 75; Марзалюк, 2009, с. 11]. Концепция А. В. Мартынюка выводит ее на новый, более обоснованный уровень. Средневековая *Alba Ruscia* выступает не просто местом существования особой белорусской культуры или цивилизации, а контактной зоной. Здесь подход А. В. Мартынюка (возможно, без воли автора) оказывается близок идеям Великого Лимитрофа В. Л. Цымбурского с той разницей, что *Alba Ruscia* придается роль не лимитрофа, а субъекта историко-культурного процесса [Цымбурский]. Трактовка роли средневековой Белоруссии как культурного посредника между православным миром и Европой – это, несомненно, новое направление развития концепта «белорусского Средневековья».

Дискурс Великого княжества Литовского в белорусском национальном конструкте

Поиск «Белой Руси» в средневековых источниках и создание на этой основе интеллектуальных конструктов в какой-то степени отвечают задачам поиска национальной идентичности в прошлом. Но это все же не отменяет того факта, что название прилагалось к местности, к региону, но такой страны не существовало. Государ-

⁶ «Назва Белая Русь – унікальны помнік еўрапейскай (можна ўдакладніць: лацінскай) культуры... Высвятляецца, што гэтая назва... можа засведчыць лучнасць яе гістарычнага лёсу з лёсам еўрапейскай цывілізацыі» [Белы, 2000, с. 65].

ство, в состав которого в XIII–XVI вв. входили современные белорусские территории, называлось иначе: Великое княжество Литовское и Русское. Исходя из общности территории, история ВКЛ была отождествлена с белорусской историей.

На эту тему существует огромная литература, поэтому остановимся только на системообразующих аспектах проблемы. Первый – это спор о том, кто, собственно, такие средневековые литвины. Существует утверждение, что за этим термином скрываются предки белорусов, а вовсе не литовцев. По мнению И. А. Марзалюка, возникновению этой теории способствовала прежде всего позиция российской имперской историографии, в которой в XIX в. высказывались мнения о тождественности «Литвы» и «Руси» [Марзалюк, 2009, с. 49]. Большую роль здесь сыграла концепция «западнорусизма», изображения литовцев и поляков как внешних оккупантов исконно русских земель, русскость которых восходила еще к Киевской Руси. Учеными утверждалось, что, несмотря на вхождение в состав ВКЛ, древнерусские княжества не утратили своей «русскости»: «Литвин... исчезал в огромной массе русского народа, не мог передать ему ни своей веры, ни своего языка, сам заимствовал от него и то, и другое... Там все было русское, и вера, и язык, и гражданские уставы, самые князья литовские, рожденные от русских княжен, женатые на русских княжнах, крещенные в православную веру, казались современникам потомками Владимира Святого» [Устрялов, с. 16–17]. «...При всем внедрении постороннего элемента Русь Литовская и в этот период продолжает оставаться *русскою*, и если она меняет свои государственные и социальные устои, то по-прежнему продолжает – в языке, в быте, в правовых понятиях, в литературе, в отношении своих религиозных связей с Русью Московской – исходить, как и та, из тех же начал, какие заложены были в сознании русского народа еще на самой заре его политического существования» [Шмурло, с. 7].

Великого князя литовского Миндовга М. О. Без-Корнилович считал происходящим из рода русских князей [Без-Корнилович, с. 13]. Еще более определенно высказывался историк М. Коялович в специальном издании, вышедшем в 1865 г. параллельно на русском и французском языках, целью которого было преподать Европе «правильную» версию истории западнорусских земель после подавления польского восстания 1863 г.: «Народ Западной России... всегда называл себя русским народом, свой язык – русским языком, свою веру – русскою верою... это одно и то же имя и того народа, который дал бытие Русской империи, и того, который несчастными обстоятельствами оторван от восточной своей ветви и попал сперва под власть литовскую, а потом польскую» [Коялович, с. XIV, XVI].

Здесь требовалось только заменить «русский» на «белорусский». В знаменитой декларации М. В. Довнар-Запольского 1919 г. говорится о «Литовской Руси» как истоке Белоруссии, хотя Литва трактуется как покоритель белорусских земель (государственность последних

восходит к Полоцкому княжеству) [Довнар-Запольский, 1919, с. 3, 5]. В 1921 г. выходит очерк белорусского филолога Я. Лесика «Літва – Беларусь», в котором эти понятия отождествлялись [Лёсік]. Литва была объявлена средневековой Беларусью, а литовцам оставили название «жмудины». Как точно отметил И. А. Марзалюк, подобные оценки во многом вытекали из контекста конфликтных отношений между Белоруссией, Литвой и Польшей в роковые 1917–1920-е гг., и нацелены они были прежде всего на защиту прав молодой белорусской республики [Марзалюк, 2009, с. 52–53].

В последней четверти XX в. в связи с перестройкой, распадом СССР и обретением Белоруссией независимости подобные взгляды получают в историографии новое обоснование и пользуются немалой популярностью. Их отстаивали историки и публицисты М. Ермалович и В. Чаропка [Ермаловіч, 2000; Чаропка, 2005]. Происходит дальнейшее развитие данной идеи с разными вариациями [Насевіч, 1993, с. 97–100; Рогалев; Краўцэвіч; Урбан; Łatyszzonek; Насевіч, 2015], вокруг нее разворачиваются большие дискуссии [Шевченко, с. 55–67; Насевіч, Спірыдонаў, с. 4–27; Белы, 2007, с. 128–145; Дзярновіч, с. 234–248].

Тем самым произошло своего рода «присвоение» истории Великого княжества Литовского средневековым белорусам. Очевидно, что данное государство было сложносоставным, полиэтническим и поликонфессиональным, и установление идентичности его населения является предметом дискуссий. Но в изучаемом нами дискурсивном аспекте важно, что, присваивая себе всю историю ВКЛ, объявляя себя его историческими наследниками, белорусы обретали все, что нужно: свою средневековую государственность (и какую – от Балтики до Черного моря!), целый сонм исторических героев, правителей, богатую, насыщенную многовековую национальную историю. Причем, что немаловажно, это была *история европейского государства*, с магдебургским правом, религиозным плюрализмом, средневековой демократией, выборами короля, первыми университетами и школами, Ренессансом и т. д. Обретая Средневековье в виде ВКЛ, Белоруссия автоматически попадала в число изначальных держав Европы. Ее история – больше не история «обломка Российской империи» или республики СССР, это история самостоятельного государства, по своим параметрам не отличающегося от других европейских стран.

«Белорусы – щит Европы!»

Историческая память о прошлом Белоруссии сегодня конструируется как память о стране, которая все время находилась под властью других держав и из-за этого даже была вынуждена носить не свое название (Великое княжество Литовское и Русское). Сперва Белоруссия (ВКЛ) оказалась в составе Речи Посполитой, первую скрипку в которой играла Польша, затем – России (с 1795 г.), потом – СССР. Таким

образом, при описании белорусского прошлого в первую очередь оказывались востребованы образы насилия, чужестранной агрессии, оккупации, эксплуатации народных сил и природных ресурсов и т. д.

При этом белорусский дискурс формировался не самостоятельно, а путем заимствования идей из польского и российского дискурсов. Из польского были взяты идеалы державы как культурной доминанты региона, гиперболизация военных побед, религиозная и этническая толерантность, антироссийская риторика. Из русского был взят прежде всего идеал державности, сильного, побеждающего государства. Наличие славного военного прошлого и национальных военных героев – необходимый атрибут национального самосознания любого народа. При обращении к истории ВКЛ такая битва появилась и у белорусов – ей стало сражение при Орше в 1514 г., когда армия ВКЛ разбила российское войско. После 1991 г. день Оршинской битвы в Белоруссии был объявлен днем воинской славы.

Именно в день, когда произошла битва – 8 сентября – в 1992 г. в Минске приносили присягу воины вновь созданной армии независимой Белоруссии. В публицистической литературе звучат высказывания, что «в 1514 г. решалась судьба будущего белорусской нации», «подвиг героев Оршинской битвы, которые разгромили втрое превосходящее войско Московского государства, всегда будет сиять яркой страницей в истории Беларуси и освещать путь нынешнему и будущему поколению патриотов» [Лобин, с. 111]. Г. Саганович отметил, что выбор Оршинской битвы в качестве национального ориентира имеет глубокий смысл: он символизирует поворот Белоруссии к Западу, противостояние с Россией, оборону ее суверенитета [Сагановіч, 1992; Сагановіч, 2008; Грыцкевіч; Жданко; Класкоўскі; Мікалайчанка; Милованов; Осинский; Плыткewіч; Тарас, с. 5–20; Киштымow, с. 34–40; Паўловіч, с. 99–106; Шумская, с. 107–110; Астапенко, с. 111–120; Борель, с. 203–207; Класковский, с. 214–215; Гаравы, с. 216–220]. В 2014 г. в Белоруссии и Литве прошли празднования в честь 500-летия победы в Оршинской битве, проводились многочисленные научные конференции и выходили юбилейные издания.

Кроме битвы, в дискурсе белорусского Средневековья (строго раннего Нового времени) появилась и своя масштабная война с Россией – Ливонская война 1558–1583 гг. Война оказалась важным звеном конструкции, подходящей под все компоненты белорусского дискурса. В ней были и оккупация белорусских земель (Полоцк в 1563 г.), и трагедия страны, на территории которой шла война, и комплекс жертвы (изнуренное войной Великое княжество Литовское вынуждено покориться Польше и подписать Люблинскую унию), и дискурс коварного заговора внешних врагов против Белоруссии (как тайных – Польши, так и явных – Московии), и несколько блестящих побед, которые были приписаны не литовскому или польскому, а именно белорусскому оружию. Белоруссия уже в ранней национальной историографии рассматривалась как главный фигурант

Ливонской войны, на территории которой проходили основные боевые действия [Пичета, с. 46].

В 1918 г. М. В. Довнар-Запольский писал, что шляхте стало тесно в своей Польше, «соединение с братьями-литовцами для поляков было нужно в видах религиозной свободы». Поэтому-то Польша и воспользовалась порожденным Ливонской войной кризисом и навязала унию, причем «...поляки в этот тяжелый для Великого княжества час соблазняли его только унией, не давая реальной поддержки... это было насилие, но Литовско-Русское государство находилось в таком отчаянном положении, что сопротивляться не могло... [при этом] поляки готовы были совершенно оставить Литву и передать ее московскому царю» [Довнар-Запольский, 2003, с. 103, 104, 107, 110, 111]. Таким образом, к дискурсу российской угрозы добавился дискурс угрозы польской [Петров, с. 176–177]. Эти тезисы поддерживались в более мягкой форме в советской белорусской историографии [История Белорусской ССР, с. 88–89; Гісторыя Беларускай ССР, с. 229].

Данные трактовки были подхвачены белорусской эмигрантской историографией. В 1966 г. в Буэнос-Айресе вышла книга архиепископа Афанасия (А. В. Мартоса, 1904–1983), посвященная в основном истории церкви на белорусских землях. Однако в ней содержался и исторический очерк. Рассказывая о Люблинской унии, автор употребляет такие слова, как «инкорпорация», «аннексия». По его мнению, если бы не предательство, то белорусско-литовские патриоты развернули бы войну против Польши и не дали бы унии стать реальностью: «Литовско-белорусские патриоты, не желая отдавать Польше свое государство, готовились к такой войне и рассылали грамоты с призывом к ней». Однако их предала русинско-украинская шляхта, представители которой «имели какие-то счета с белорусами и тяготились их управлением, а также соблазнились польскими шляхетскими привилегиями, которыми хотели попользоваться» [Афанасий, 42]. О предательстве волынской шляхты также говорил и М. В. Довнар-Запольский: «Волынь так быстро прониклась польскими империалистическими интересами, что продает свою родину» [Довнар-Запольский, 2003, с. 111]. Архиепископ Афанасий писал: «Роковую услугу в деле присоединения Великого княжества Литовского к Польше оказала московско-русская (sic! – А. Ф.) война с Великим княжеством Литовским, начавшаяся из-за Ливонии и Смоленска. В этой войне московские войска заняли г. Полоцк в 1563 г. и опустошили северную часть Беларуси до самого г. Вильно... великолитовские войска и воеводы храбро сражались с московскими войсками, защищая свою родину. Поляки со злорадством следили за ходом военных действий и радовались, как их союзники истекали кровью и физически слабели. Они рассчитывали, что чем больше воеводы Великого княжества Литовского потеряют сил в войне, тем менее они будут опасны в деле присоединения их государства к Польше... Эта несвоевременная война окончательно погубила Великое княжество

Литовское. Москва помогла полякам забрать это княжество себе. Не будь этой войны, государственные великолитовские патриоты еще долго отстаивали бы суверенные права своего государства и не пошли бы на унию с Польшей» [Афанасий, с. 43].

Эти идеи были подхвачены в 1990-е гг. Крупнейшим явлением в новейшей белорусской историографии Ливонской войны является монография А. Н. Янушкевича. О масштабе замысла пересмотра всей архитектоники историографического видения Ливонской войны говорит тот факт, что автор предлагает отказаться от самого термина «Ливонская война», заменив его на полонизированный и более аутентичный источником польского происхождения «Инфлянцкая вайна» [Янушкевіч, с. 6–7]. С такой сменой ориентиров логично перекликались идеи Зенона Позняка, который утверждал: «Тысяча лет белорусской державности – это тысяча лет белорусской культуры и тысяча лет войны. Среди этих войн есть она перманентная война, которая не прекращается никогда – это цивилизационная война с Россией»⁷. Сочинение Позняка озаглавлено «Беларуска-Расейска вайна» и имеет английский перевод заголовка: «Belarus is an eastern outpost» («Беларусь – восточный форпост»). Обращает на себя внимание неточный английский перевод заголовка, носящий явно дискурсивный характер [Позняк, с. 5–6].

В размышлениях Позняка видно прямое копирование польского исторического дискурса, который теперь присвоен белорусами. Последние оказались «на самом краю христианства». И проиграли войну с Россией, потому что никто на Западе не понял ее значения для обороны европейской культуры. «На краю христианства» страна оказалась одна, а ведь когда-то Беларусь уже прикрыла собой Европу – именно белорусы остановили монголо-татарское нашествие, разбив Орду на Синих Водах в 1362 г. Поглощение Белоруссии Россией, по мнению З. Позняка, в 1795 г. привело в XIX–XX вв. к мировым войнам, потому что уже ничто не стояло между мирной Европой и агрессивной Москвой.

Россия изображается заклятым врагом Белоруссии, с которой она в XVI в. вела непрерывные войны. Например, в популярной книге «Десять веков белорусской истории» В. Орлова и Г. Сагановича история конца XV – XVI в. изображена в виде следующей цепочки событий: первая война Московии с Великим княжеством Литовским (1492) – разгром татарского войска под Клецком (1506) – битва под Оршей (1514) – издание Франциском Скориной первой печатной белорусской книги (1517) – выход в свет поэмы Микола Гусовского «Песня про зубра» (1523) – рождение Льва Сапеги (1557) – активная книгоиздательская деятельность Симона Будного в Несвиже (1562) – захват Полоцка войсками Ивана «Жахливого» (1563) – разгром москвитов на реке Уле (1564) – Люблинская уния (1569) – освобождение Полоцка

⁷ Перевод автора статьи.

от московитов войсками Стефана Батория (1579) – основание Виленского университета (1579) – издание Василем Тяпинским перевода Евангелия на белорусском языке (1580) и т. д. [Арлоў, Сагановіч, с. 82–123].

Отбор событий для этого «слежка» белорусской истории говорит, что перед нами нация поэтов, ученых и гуманистов, которая вынуждена отбиваться от агрессии соседей – как облученной в цивилизованные формы и неоднозначной «агрессии» (Люблинская уния), так и угрозы прямого военного вторжения и порабощения (со стороны Москвы). Но победоносная армия ВКЛ – Белоруссии громит оккупантов, после чего возвращается к своим истинным ценностям: основывает университет, переводит Библию и т. д.

Эпоха ВКЛ на страницах книги выступает своего рода «золотым веком» Белоруссии, к идеалам и достижениям которого удалось вернуться только после 1991 г. Очень характерно в этом плане содержание второй книги В. Ракицкого «Белорусская Атлантида». Он разбил книгу на три больших раздела: «Наша», «Ня нашае наша», «Нашае наша». К «нашему» он отнес Литву, «Старожитную Русь», славян и т. д. К «нашему нашему», то есть чужому, навязанному, которое стало частью своей истории, – все, связанное с СССР, Второй мировой войной и влиянием России. К «самому нашему» – ВКЛ, Грюнвальд, Радзивиллов, Вильну и т. д. [Ракицкі, 2010, с. 4–6]. Данная тенденция – изображать «лучшим временем» период нахождения земель в составе *не-России*, а другой, европейской страны – характерна для историографий постсоветского пространства. В Прибалтике «золотым веком» называют время шведского господства в XVII в., на Западной Украине тепло говорят об австрийском владычестве.

Героизация белорусской истории достигается также за счет ее персонализации. Появились книги, содержащие популярные биографии деятелей ВКЛ периода Ливонской войны (Миколая Радзивилла Черного, Миколая Радзивилла Рыжего, Яна Иеронима Ходкевича и др.). Причем в центре повествования оказываются их подвиги в противостоянии с Москвой [Чаропка, 2002].

К какому будущему ведет Белоруссию медиевальный дискурс?

Обращение к средневековым идеалам и образам для построения современной нации и преодоления имперской ситуации оказалось эффективным. Сегодня образ средневековой Белоруссии, предшественницы современной Республики Беларусь – уже не только образ, не только интеллектуальный историографический конструкт, а константа национального самосознания. Произошло это благодаря целому ряду причин.

Во-первых, Средневековье как идеологическая основа национальной идеологии является консенсусным для разных политических сил.

Мало кто будет возражать против славного героического прошлого, против романтических образов князей и богатырей.

Во-вторых, полемика о Средневековье носит гораздо более спокойный характер, чем споры об империях, войнах и конфликтах нового и тем более новейшего времени. Представители народов, чьи предки воевали на Оршинском поле или на фронтах Ливонской войны, могут спокойно вести об этом разговор, научные дискуссии. Несмотря на все попытки их политизировать, остается пространство для неконфликтного диалога. А такая идея привлекает гораздо больше сторонников со всех сторон, чем конфронтационные лозунги. Память о Средневековье оказывается менее конфликтной, чем память о XIX–XX вв.

В-третьих, в средневековом дискурсе удачно сочетаются локальный и государственный (республиканский) уровни. Локальный патриотизм, восстановление местных памятников старины, церковь как духовный авторитет с ее святынями, имеющими средневековую историю, – все это способствует формированию национальной идентичности.

В-четвертых, медиевальный дискурс в меньшей степени присутствует в политике и националистических акциях, зато хорошо представлен в образовании, культуре, туризме, движении исторических реконструкторов и т. д. Он в гораздо меньшей степени стремится перестроить сознание социально активного поколения, зато влияет на формирование национальной идентичности у молодежи и детей. В этом плане он более медленный по эффективности воздействия, зато и более устойчивый и глубокий.

Конечно, опыт «мобилизации Средневековья» для Белоруссии не во всем положительный, прежде всего во внешнеполитической сфере. По многим вопросам нет понимания с Литвой и Польшей по части «наследия Великого княжества Литовского», в России празднование 500-летия Оршинской победы как победы белорусов над русскими воспринимается не без раздражения и удивления. В выработке медиевального дискурса очень слабо выражено взаимодействие с Украиной, хотя история средневекового периода и раннего Нового времени у этих исторических регионов Восточной Европы очень близка.

Обращение к средневековью сегодня для обоснования древних истоков белорусского нациогенеза носит в большей степени культурный и дискурсивный, чем научный характер. Во всяком случае, оно пока получило явно недостаточное научное обоснование с точки зрения и примордиалистских, и конструктивистских теорий, а существование белорусской домодерной нации пока больше продекларировано, чем доказано. Однако неразработанность исследовательского поля только побуждает к новым исследованиям и совершенно не препятствует развитию в целом успешных дискурсивных практик белорусского варианта «мобилизации Средневековья».

Список литературы

- Адамушко В. И., Елинская М. М.* Современная геральдика Беларуси. Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2012. 533 с.
- Арлоў У.* Таямніцы полацкай гісторыі. Мінск : Попурри, 2008. 607 с.
- Арлоў У., Плыткевіч С., Герасімовіч З.* Ад Полацка пачаўся свет. Мінск : Рыф тур, 2005. 141 с.
- Арлоў У., Сагановіч Г.* Дзесяць вякоў беларускай гісторыі: 862–1918 : Падзеі. Даты. Ілюстрацыі. Вільня : Наша Будучыня, 1999. 221 с.
- Арлоў У. А.* Еўфрасіння Полацкая. Мінск : Мастацкая літаратура ; Славяне, 1992. 219 с.
- Астапенко А.* Князі Астрожскія і беларуская нацыянальная ідэя // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 111–120.
- Афанасій, архіеп.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни : в 3 ч. Мінск : Бел. Экзархат Рус. православ. церкви, 1990. 262 с.
- Без-Корнилович М. О.* Сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб. : Тип. III Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1855. 355 с.
- Белы А.* Хроніка «Белай Русі» : нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск : Энцыклапедыкс, 2000. 192 с.
- Белы А.* Хроніка Белай Русі : Імагалогія Беларусі XII–XVIII ст. Смаленск : Інбелкульт, 2013. 468 с.
- Белы А.* Як размежаваць Літву ад Русі // Arche. 2007. № 10. С. 128–145.
- Борель Е.* Битва под Оршей – блестящая победа, от которой нельзя отказываться // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 203–207.
- Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. Т. 1. Мінск : Навука і тэхніка, 1972. Т. 1. 631 с.
- Гаравы М.* Перамога у бітве пад Оршай разбурыла планы першага падзелу Усходняй Еўропы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 234–248.
- Грыцкевіч А.* Ішла ў бой беларуская конніца // Народная газета. 1994. 7 жніўня.
- Дзярновіч О. И.* «Литва» и «Русь» XIII–XVI вв. как концепты белорусской историографии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 234–248.
- Довнар-Запольский М. В.* История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. 678 с.
- Довнар-Запольский М. В.* Основы дзяржаўнасці Беларусі. Вільня : Друкарня «Прамень», 1919. 14 с.
- Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории кривичской и древговичской земель до конца XII столетия. Киев : Типолит. И. Н. Кушнерев и К° в Москве, Киевск. отд., 1891. 170 с.
- Елинская М. М.* Современный этап развития геральдики Беларуси. URL: <http://geraldika.ru/symbols/33223> (дата обращения: 18.04.2016).
- Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь : Полацкі і Навагародскі перыяды. Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. 365 с.
- Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск : Беллітфонд, 2000. 435 с.
- Жданко В.* Успомнілі бітву пад Оршай : адны з гонарам, другія – з праклёнам // Звезда. 1993, 9 верасня.
- История Белорусской ССР : в 4 т. Минск : Изд-во Акад. наук Бел. ССР, 1954. Т. 1. 502 с.
- Киштымов А.* Оршанская битва : по ту сторону исторического фронта // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 34–40.
- Імя тваё Бялая Русь / сост. Г. Сагановіч. Мінск : Полымя, 1991. 318 с.
- Класковский А.* Битва под Оршей и синдром бульбаша // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 214–215.
- Класкоўскі А.* Як бы там ні было, але пад Оршай беларускі вой засланяў грудзьмі сваю Бацькаўшчыну // Народная газета. 1993. 7 верасня.
- Коялович М.* Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России к Польше = Etudes Historiques sur la Russie Occidentale. Introduction aux Documents servant à éclaircir L'Histoire des Provinces occidentales de la Russie ainsi que Luers rapports avec la Russie et la Pologne. СПб. : Тип. Э. Праца, 1865. 203 с.

- Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск : Бел. навука, 1998. 206 с.
- Лінднер Р.* Гісторыкі і ўлада : нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск ; Санкт-Пецярбург : Неўскі прасцяг, 2005. 538 с.
- Ластоўскі В. Ю.* Аб «славянстве» маскалеў // Ластоўскі В. Ю. Выбраныя творы. Мінск : Беларускае кнігазбор, 1997. С. 390–397.
- Ластоўскі В. Ю.* Калісь і цяпер. Гістарычна-грамадзянскія нарысы. Вільня : [Б. и.], 1918. 152 с.
- Лёсік Я.* Літва – Беларусь : Гістарычныя выведы. Мінск : Тэхналогія, 2016. 33 с.
- Лобін А. Н.* Мифы Оршанской битвы // Родина. 2010. № 9. С. 111–115.
- Марзалюк І. А.* Вобраз полацкай дзяржаўнасці ў беларускім гістарычным наратыве XIX – пачатку XX ст. // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мінск : Беларуская навука, 2012. 637 с.
- Марзалюк І. А.* Мифы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілёў : МДУ, 2009. 144 с.
- Мартынюк А. В.* Алесь Белый в поисках Белой Руси // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. 2010. Вып. 3. С. 303–308.
- Мартынюк А.* Сярэдневяковыя без граніц (неабходнае прадисловіе, по возможности краткое) // Alba Russia : беларускія землі на перакрестку культур і цывілізацый / под ред. А. В. Мартынюка. М. : Квадрига, 2015. С. 5–7.
- Марціновіч А.* Святая Еўрасіія або Адкуль ёсць, пайшла Полацкая зямля. Мінск : Беларусь, 2009. 109 с.
- Милованов и др.* Горькая победа под Оршей // Политика. Позиция. Прогноз. 1994. № 4 (30). С. ...
- Мікалаічанка А.* На паклон крыжы на Крапівенскім полі // Наша слова. 1994. 21 верасня.
- Насевіч В.* Беларусы : станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. Смаленск : Інбелкульт, 2015. 525 с.
- Насевіч В.* Да пытання пра саманазву беларусаў у перыяд ВКЛ // Беларусіка = Albaruthenica. Кн. 2. Фарміраванне і развіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Магэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Маладзечна, 19–20 жніўня 1992 г. Мінск : [Б. и.], 1993. С. 97–100.
- Насевіч В., Спірыдонаў М.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // 3 глыбі ваякоў. Гісторыка-культуралагічны зборнік. Т. 1. Мінск : Навука і тэхніка, 1996. С. 4–27.
- Осинский И.* Солдагушки, бравы ребятушки, или О том, как историю превращают в место для политических ристалищ // Советская Белоруссия. 1994. 6 сент.
- Паўловіч Я.* Битва на ростанях цывілізацый // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 99–106.
- Петров Н. И.* Белоруссия и Литва : Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб. : Изд. при М-ве внутр. дел П. Н. Батюшковым, 1890. 376 с.
- Пічета В. И.* История белорусского народа // Пичета В. И. Курс Белорусоведения : Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М. : Друк. А. П. Яроцкого, 1918–1920. 304 с.
- Плыткевіч С.* «Не ўрады вызначаюць народам святы...» // Народная газета. 1993. 11–13 верасня.
- Позыняк З.* Беларуска-Расейска вайна = Belarus is an eastern outpost. Варшава ; Нью-Ёрк ; Вільня : Беларускае Ведамасці (Belaruskiiā Vedamasti), 2005. 34 с.
- Ракіцкі В.* Беларуская Агліянтыда : Кніга другая Міты і брэндзы калянізаванай нацыі. [Б. м.] : Радые Свабодная Эўропа/Радые Свабода, 2010. 352 с.
- Ракіцкі В.* Беларуская Агліянтыда. [Б. м.] : Радые Свабодная Эўропа/Радые Свабода, 2006. 504 с.
- Рассадин С.* Землі амаль невядомыя : Будучая Беларусь паводле антычных манускрыптаў. Мінск : Польша, 1996. 95 с.
- Рассадин С. Я., Міхальчанка А. М.* Гербы і сцягі гарадоў і раёнаў Беларусі 1991–2004. Мінск : Беларусь, 2005. 128 с.
- Рогалев А. Ф.* Белая Русь и белорусы : в поисках истоков. Гомель : Белорус. аг-во науч.-технич. и деловой информации, 1994. 266 с.
- Сазановіч Г.* Аршанская бітва 1514 г. – канфлікт гістарыяграфій і ідэнтычнасцяў // Жыве Беларусь : бібліятэка гістарычных артыкулаў. 29.06.2008. URL: <http://jivebelarus.net/history/gistografa/orsha-battle-and-historical-identity-conflict.html?page=6#lnk5> (дата абрашчэння: 17.04.2016).

- Сагановіч Г. Айчыну сваю баронячы : Канстанцін Астрожскі. Мінск : Навука і тэхніка, 1992. 68 с.
- Тарас А. Битва под Оршей в контексте политики и войны // Записы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 5–20.
- Тарасаў С. В. Полацк : Гонар векоў. Мінск : Беларусь, 2012. 264 с.
- Турчинович И. В. Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб. : Тип. Э. Праца, 1857. 303 с.
- Уайт С., Билецкая Т., МакАллистер И. Белорусы между Востоком и Западом // Мир России : Социология, этнология. 2014. Т. 23. № 1. С. 35–59.
- Урбан П. Старажытныя літвіны : Мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць. Мінск : Тэхналогія, 2014. 215 с.
- Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Велико княжество Литовское? Сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте в Главном педагогическом институте 30 декабря 1838. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. 42 с.
- Ушакин С. В поисках места между Сталиным и Гитлером : о постколониальных историях социализма // Ab Imperio. 2011. № 1. С. 209–221.
- Цітоў А. К. Геральдыка Беларусі (ад пачаткаў да канца XX стагоддзя). Мінск : Мінская фабрыка каляровага друку, 2010. 139 с.
- Цітоў А. К. Наш сімвал – Пагоня : шлях праз стагоддзі. Мінск : Польша, 1992. 33 с.
- Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом : Цивилизация и ее геополитика. М. : Эдиториал УРСС, 2010. 141 с.
- Чаронка В. Лёсы ў гісторыі : нарысы. Мінск : Беларусь, 2005. 558 с.
- Чаронка В. Уладары Вялікага княства. Мінск : Польша, 1996. 638 с.
- Шевченко Н. В. Білорусько-Літовська держава : нові концептуальні засади сучасної білоруської історіографії // Український історичний журнал. 1997. № 2. С. 55–67.
- Шмурло Е. Ф. Курс русской истории : Русь и Литва. СПб. : Алетея, 1999. 442 с.
- Шумская І. Хісткі грунт гістарычнай свядомасці беларусаў // Записы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 107–110.
- Янушкевіч А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск : Медисонт, 2007. 356 с.
- Halperin Ch. Rus', Russia and National Identity // Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes. 2006. Vol. 48. No 1/2. Pp. 157–166.
- Łatyszonek O. Od rusinów białych do białorusinów : U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok : Wydawn. Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. 388 с.
- Polkhy S. The Origins of the Slavic Nations : Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge ; NY : Cambridge Univ. Press, 2006. 379 p.
- Soloviev A. V. Weiß-, Schwarz- und Rotreußen : Versuch einer historisch-politischen Analyse // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 7. 1959. S. 1–33.
- Sukiennicki W. Stalin and Belarus's "Independence" // The Polish Rev. 1965. Vol. 10, no. 4. P. 84–107.
- Wrona J. Symbole państwowe przyczyną napięć społecznych i politycznych – Wybrane przykłady // Czasopismo Geograficzne. 2000. Vol. 71. Iss. 2. P. 157–172.

References

- Adamushko, V. I., Elinskaja, M. M. (2012). *Sovremennaja geraldika Belarusi*. [Modern Heraldry of Belarus]. 533 p. Minsk, Belaruskaja Jencyklopedyja.
- Afanasij, arhiep. (1990). *Belarus' v istoricheskoj, gosudarstvennoj i cerkovnoj zhizni*. [Belarus in the Historical, State and Church Life]. 262 p. Minsk, Bel. Jekzarhat Rus. Pravoslav. Cerkvi.
- Arlow, U. A. (1992). *Ewfrasinnja Polackaja* [Euphrosyne of Polotsk]. 219 p. Minsk, Mastackaja litaratura, Slavjane.
- Arlow, U. (2008). *Tajamnicy polackaj gistoryi*. [Mysteries of Polotsk History]. 607 p. Minsk, Popuri.
- Arlow, U., Plytkovich, S., Gerasimovich, Z. (2005). *Ad Polacka pachawsja svet*. [The Light Began from Polotsk]. 141 p. Minsk, Ryf tur.
- Arlow, U., Saganovich, G. (1999). *Dzesjac' vjakow belaruskaj gistoryi: 862–1918*. [Ten Centuries of the Belarussian History]. 221 p. Vil'nja, Nasha Buduchynja.

Astapenko, A. (2014). Knjazi Astrozhskija i belaruskaja nacyjanal'naja ideja. [Princes of Ostrogsky and the Belarusian National Idea]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga*, 14, pp. 111–120.

Bely, A. (2000). *Hronika «Belaj Rusi»: narys gistoryi adnoj geografichnaj nazvy*. [Chronicle of “White Rus”: A Question about One Geographical Title]. 192 p. Minsk, Jencyklapedyks.

Bely, A. (2013). *Hronika Belaj Rusi: Imagalogija Belarusi XII–XVIII st.* [Chronicle of the “White Rus”: Imagology of Belarus between the 12th and 18th cent]. 468 p. Smalensk, Inbelkul’^t, 2013.

Bely, A. (2007). Jak razmezhavac’ Litvu ad Rusi [How to Separate Lithuania from Rus’]. In *Arche*, 10, pp. 128–145.

Bez-Kornilovich, M. (1855). *Svedenija o primechatel’nejshih mestah v Belorussii* [Information about Remarkable Places in Belarus]. 355 p. St Petersburg, v Tipografii III Otd. sobstv. e. i. v. kanceljarii.

Borel’, E. (2014). Bitva pod Orshej – blestjashchaja pobeda, ot kotoroj nel’zja otkazyvat’sja [Battle of Orsha – A Remarkable Victory. It is Impossible to Reject It]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga*, 14, pp. 203–207.

Charopka, V. (1996). *Ulady Vjalikaga knjastva* [Potentates of the Grand Duchy]. 638 p. Minsk, Polymja.

Charopka, V. (2005). *Ljosi w gistoryi: narysy* [Destiny in History: Essays]. 558 p. Minsk, Belarus.

Citow, A. K. (1992). *Nash simval – Pagonja : shljah praz stagoddzi* [Our Symbol – “Pogonya”: The Way through the Centuries]. 33 p. Minsk, Polymja.

Citow, A. K. (2010). *Geral’dyka Belarusi (ad pachatkaw da kanca XX stagoddzja)*. [Heraldry of Belarus (from the Beginning till the End of the 20th Cent.]. 139 p. Minsk, Minskaja fabryka kaljarovaga druku.

Cymburskij, V. L. (2010). *Rossija – Zemlja za Velikim Limitrofom: Civilizacija i ee geopolitika* [Russia Is the Land beyond the Great Limitrophe. The Civilization and Its Geopolitics]. 141 p. Moskva, Jeditorial URSS.

Dovnar-Zapol’skij, M. V. (1891). *Ocherk istorii krivichskoj i dregovichskoj zemel’ do konca XII stoletija*. [Essay on the History of the Krivich and Dregovich Lands by the End of the 12th Cent.] 170 p. Kiev, Tipo-litografija I. N. Kushnerev i K^o v Moskve, Kievsk. otd.

Dovnar-Zapol’skij, M. V. (1919). *Osnovy dzjarzhaunasci Belarusi* [Fundamentals of Belarusian Statehood]. 14 p. Vilnja, Drukarnja “Pramen”.

Dovnar-Zapol’skij, M. V. (2003). *Istorija Belorussii* [The History of Belarus]. 678 p. Minsk, Belarus.

Dzjarnovich, O. I. (2009). “Litva” i “Rus” XIII–XVI vv. kak koncepty belorusskoj istoriografii [“Lithuania” and “Rus” of the 13th–16th Centuries as Concepts of Belarusian Historiography]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1–2, p. 234–248.

Elinskaja, M. M. (2016). *Sovremennyj jetap razvitija geraldiki Belarusi* [The Modern Stage of the Development of Belarusian Heraldry]. URL: <http://geraldika.ru/symbols/33223> (mode of access: 18.04.2016).

Ermalovich, M. (1990). *Starazhytnaja Belarus”. Polacki i Novagorodski peryjady* [Old Belarus. The Polotsk and Novgorod Periods]. 365 p. Minsk, Mastackaja litaratura.

Ermalovich M. (2000). *Belaruskaja dzjarzhava Vjalikae Knjastva Litovskae* [Belarusian State the Grand Duchy of Lithuania]. 435 p. Minsk: GA “Bellitfond”.

Garavy, M. (2014). Peramoga u bitve pad Orshaj razburyla plany pershaga padzelu Ushodnjaj Ewropy [The Victory in the Battle of Orsha Destroyed the Plans of Division of Eastern Europe]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga*, 14, p. 216–220.

Gistoryja Belaruskaj SSR [History of the Belarusian SSR]. (1972). T. 1. 631 p. Minsk, Navuka i tjehnika.

Gryckeveich A. (1994). I shla w boj belaruskaja konnica [Belarusian Cavalry Marched into Battle]. In *Narodnaja gazeta*.

Halperin Ch. (2006). Rus’, Russia and National Identity. In *Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes*, 48, ½, pp. 157–166.

Istorija Belorusskoj SSR [History of the Belarusian SSR] (1954). T. 1. 502 p. Minsk, Izd-vo Akad. nauk Bel. SSR.

Janushkevich, A. M. (2007). *Vjalikae Knjastva Litovskae i Infljanckaja vajna 1558–1570 gg.* [The Grand Duchy of Lithuania and the Livonian War of 1558–1570]. 356 p. Minsk, Medisont.

Kishtymov, A. (2014). Orshanskaja bitva: po tu storonu istoricheskogo fronta [The Battle of Orsha: Beyond the Historical Front]. In: *Zapisy tavyarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastovskaga*, 14, pp. 34–40.

Klaskovskij, A. (2014). Bitva pod Orshej i sindrom bul'bashha [The Battle of Orsha and the Syndrome of a "Potato Man"]. In: *Zapisy tavyarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastovskaga*, 14, pp. 214–215.

Klaskowski, A. (1993). Jak by tam ni bylo, ale pad Orshaj belaruski voj zaslanjaw grudz'mi svaju Bac'kawshychu [However It Might Be, near Orsha Belarusian Warriors Stood up staunchly to Defend Their Motherland]. In *Narodnaja gazeta*, 1993 07 sept.

Kojalovich M. (1865). *Istoricheskoe issledovanie o Zapadnoj Rossii, sluzhashhee predisloviem k dokumentam, ob'jasnjajushhim istoriju zapadno-russkogo kraja i ego otnoshenija k Rossii k Pol'she* [A Historical Study of Western Russia, Serving as a Preface to the Document Explaining the History of the West-Russian Region and Its Relations to Russia to Poland]. 203 p. St Petersburg, Tipografiya Je. Praca.

Krawcjevich A. K. (1998). *Svarjenje Vjalikaga Knjastva Litovskaga* [The Making of the Grand Duchy of Lithuania]. 206 p. Minsk, Bel. navuka.

Lastowski V. Ju. (1918). *Kalis' i cjaper. Gictarichna-gramadzjanskija narysy* [Once and today. Gictarichna Civil Essays]. 152 p. Vilnja, S. I.

Lastowski V. Ju. (1997). Ab "slavjanstve" maskalew [About the Slavic Character of Muscovites]. In Lastowski, V. Ju. (Ed.). *Vybranyja tvory*. Minsk, Belaruski knigazbor, pp. 390-397.

Łatyszczek O. (2006). *Od rusinów białych do białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej* [From White Rusyns to Belarusians: At the Root of the Belarusian National Idea]. 388 p. Białystok, Wydawn. Uniwersytetu w Białymstoku.

Lindner R. (2005). *Gistoryki i wlada: nacyjatvorchy pracjes i gistorychnaja palityka w Belarusi XIX-XX st.* [Historians and Power: The Process of Nation Building and Historical Policy of the 19th-20th Cent. in Belarus]. 538 p. Minsk; St Petersburg, Newski prascjag.

Ljosik Ja. (2016). *Litva – Belarus'. Gistorychnyja vyvedy* [Lithuania – Belarus. Historical Studies]. 33 p. Minsk, Tjehnalogija.

Lobin A. N. (2010). Mify Orshanskoj bitvy [Myths about the Battle of Orsha]. In: *Rodina*, 9, pp. 111–115.

Marcinovich A. (2009). *Svjataja Ewrasinnja abo Adkul'josce pajshla Polackaja zjamlja* [St Euphrosyne, or from where the Belarusian Land Began]. 109 p. Minsk, Belarus'.

Martynjuk A. (2015). Srednevekove bez granic [The Middle Ages without Borders]. In *Alba Ruscia: belorusskie zemli na perekrestke kul'tur i civilizacij*. Moskva, Kvadriga, pp. 5–7.

Martynjuk, A. V. (2010). Ales' Belyj v poiskah Beloj Rusi [Ales Bely in Search of White Rus']. In *Studia Historica Europae Orientalis*, 3, pp. 303–308.

Marzaljuk, I. A. (2009). *Mify "adradzhenskaj" gistoryjografii Belarusi* [Myths of the "Revival" Historiography of Belarus]. 144 p. Magiljow, MDU.

Marzaljuk, I. A. (2012). Vobraz polackaj dzjarzhawnasci w belaruskim gistorychnym naratyve XIX – pachatku XX st. [Image of Polotsk Belarusian Statehood in the Historical Narrative of the 19th – Early 20th Century]. In *Polack v gistoryi i kul'tury Ewropy*. Minsk, Belaruskaja navuka, pp. 52-60.

Mikalajchanka, A. (1994). Na paklon kryzhu na Krapivenskimi poli [To the Worship of the Cross in the Krapivna Field]. In *Nasha slova*, 1994, 21.09.

Milovanov, A. (1994). Gor'kaja pobeda pod Orshej [The Bitter Victory near Orsha]. In *Politika. Pozicija. Prognoz*, Nr. 4 (30).

Nasevich, V. (1993). Da pytannja pra samanzvu belarusaw u peryjad VKL [To the Question about the Original Name of Belarusians during the Period of VKL]. In *Belarusika = Albaruthenica. Kn. 2. Farmiravanne i razvicejo nacyjanal'naj samasvjadomasci belarusaw. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi. Maladzechna, 19–20 zhnivnja 1992 g.* Minsk, S. I., pp. 97–100.

Nasevich, V. (2015). *Belarusy: stanawlenne jetnasu i nacyjanal'naja idėja*. [Belarusians: The Establishment of the Ethnos and National Idea]. 525 p. Smalensk, Inbelkult.

Nasevich, V., Spirydonaw, M. (1996). "Rus'" u skladze Vjalikaga knjastva Litovskaga w XVI st. ["Rus'" in the Structure of the Grand Duchy of Lithuania]. In *Z glybi vjakow. Gistoryka-kul'turalagichny zbornik. T. 1*. Minsk, Navuka i tjechnika, pp. 4–27.

Osinskij, I. (1994). Soldatushki, bravo rebjatushki, ili o tom, kak istoriju prevrashhajut v mesto dlja politicheskikh ristalisch [Soldiers, Dashing Boys, or how History Takes Part in Political Struggle]. In *Sovetskaja Belorussija. 1994, 06.09*.

Pawlovich Ja. (2014). Bitva na rostanjah cyvilizacij [Battle at the Crossroads of Civilisations]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoriji imja Vaclava Lastowskaga, 14*, pp. 99–106.

Petrov, N. I. (1890). *Belorussija i Litva: Istoricheskie sud'by Severo-Zapadnogo kraja* [Belarus and Lithuania: Historical Destinies of the North-West Region]. 376 p. St Petersburg, Izd. pri M-ve vn. del P. N. Batjushkovym.

Picheta, V. I. (1918). Istorija belorusskogo naroda [The History of Belarusian People]. In Picheta, V. I. (Ed.). *Kurs Belorusovedenija: Lekcii, chitaniye v Belorusskom narodnom universitete v Moskve letom 1918 goda*. 304 p. Moskva, Drukarnja A. P. Jarockogo, 1918–1920.

Plokhly, S. (2006). *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. 379 p. Cambridge; NY, Cambridge Univ. Press.

Plytkovich, S. (1993). “Ne wrady vyznachajuc” narodam svjaty...” [No Government Is Determined by the People’s Holidays]. In *Narodnaja gazeta. 1993, 11–13 sept.*

Poz’njak, Z. (2005). *Belarуска-Rasejska vajna* [Belarusian-Russian War] = Belarus is an eastern outpost. 34 p. Varshava, NY; Vilnya, Belaruskija Vedamasci (Belaruskiĭ Vedamasti).

Rakicki, V. (2006). *Belaruskaja Atljantyda* [Belarusian Atlantis]. 504 p. S. I., Radyjo Svabodnaja Jewropa/Radyjo Svaboda.

Rakicki, V. (2010). *Belaruskaja Atljantyda* [Belarusian Atlantis]. 352 p. S. I., Radyjo Svabodnaja Jewropa/Radyjo Svaboda.

Rassadzin, S. Ja., Mihal’chanka A. M. (2005). *Gerby i ccjagi garadow i rajonaw Belarusi 1991–2004* [Arms and Flags of Towns and Regions of Belarus in 1991–2004]. 128 p. Minsk, Belarus’.

Rassadzin, S. (1996). *Zemli amal’nevjadomyja. Buduchaja Belarus’ pavodle antychnyh manuskryptaw* [Unknown Lands. The Future of Belarus according to Ancient Manuscripts]. 95 p. Minsk, Polymja.

Rogalev, A. F. (1994). *Belaja Rus’ i belorusy: v poiskah istokov* [White Rus’ and Belarusians: In the Search of Origins]. 266 p. Gomel’, Belorusskoe agentstvo nauchno-technicheskoj i delovoj informacii.

Saganovich, G. (Ed.). (1991). *Imja tvajo Belaja Rus’*. [Your Name is White Rus’]. 318 p. Minsk, Polymja.

Saganovich, G. (1992). *Ajchynu svaju baronjachy: Kanstancin Astrozhski* [In Protection of His Own Motherland: Konstantin Ostrogsky]. 68 p. Minsk, Navuka i tjehnika.

Saganovich, G. (2016). *Arshanskaja bitva 1514 g. – kanflikt gistoryjagrafij i idjentychnascjav* [The Battle of Orsha in 1514 as a Conflict of Historiographies and Identities]. URL: <http://jivebelarus.net/history/gistografia/orsha-battle-and-historical-identity-conflict.html?page=6#lnk5> (mode of access: 17.04.2016).

Shevchenko, N. V. (1997). Bilorusko-Litovska derzhava: novi konceptual’ni zasadi suchasnoĭ biloruskoĭ istoriografii [Belarusian-Lithuanian State: New Ideas of Belarusian Historiography]. In *Ukraĭnsky istorichny zhurnal, 2*, pp. 55–67.

Shmurlo, E. F. (1999). *Kurs russkoj istorii: Rus’ i Litva* [Essays on Russian History. Rus’ and Lithuania]. 442 p. St Petersburg, Aleteya.

Shumskaja, I. (2014). Xictki grunt gistorychnaj svjadomasci belarusaw [Precarious Grounds of Historical Consciousness of Belarusians]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoriji imja Vaclava Lastowskaga, 14*, pp. 107–110.

Soloviev, A. V. (1959). Weiß-, Schwarz- und Rotrußen. Versuch einer historisch-politischen Analyse [White-, Black and Red Russia. An Attempt at a Historical and Political Analysis]. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 7*, pp. 1–33.

Sukiennick, W. (1965). Stalin and Belarus’s “Independence”. In *The Polish Review, 10, 4*, pp. 84–107.

Taras, A. (2014). Bitva pod Orshej v kontekste politiki i vojny [The Battle of Orsha in the Contest of Politics and War]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoriji imja Vaclava Lastowskaga, 14*, pp. 5–20.

Tarasaw S. V. (2012). *Polack. Gonar vekow* [Polotsk. The Pride of Centuries]. 264 p. Minsk, Belarus’.

Turchinovich I. V. (1857). *Obozrenie istorii Belorussii s drevnejshih vremen* [Overview of the History of Belarus from the Ancient Times]. 303 p. St Petersburg, Tipografiya Je. Praca.

White, S., Bileckaja, T., McAllister, I. (2014). Belorusy mezhdru Vostokom i Zapadom [Belarusians between East and West]. In *Mir Rossii: Sociologija, jetnologija, 23, 1*, pp. 35–59.

Urban, P. (2014). *Starazhytnyja lichviny: Mova, pahodzhan'ne, jetnichnaja prynalezhnasch* [Ancient Litvins: Language, Origin, Ethnicity]. 215 p. Minsk, Tjehnologija.

Ushakin, S. (2011). V poiskakh mesta mezhdru Stalinym i Gitlerom: o postkolonial'nyh istorijah socializma [In Search of Place between Stalin and Hitler: About Postcolonial Histories of the Period of Socialism]. In *Ab Imperio*, 1, pp. 209–221.

Ustrjalov, N. G. (1839). *Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoj istorii dolzhno zanimat' Velikoe knjazhestvo Litovskoe?* [The Study of what Place the Grand Duchy of Lithuania Takes in Russian History]. 42 p. St Petersburg, Tipographiya Jekspedicii zagotovlenija gos. bumag.

Wrona, J. (2000). Symbole państwowe przyczyną napięć społecznych i politycznych – Wybrane przykłady [State Symbols Are Causes of the Social and the Political – Selected Examples]. In *Czasopismo Geograficzne*, 71, 2, pp. 157–172.

Zhdanko, V. (1993). Uspomnili bitvu pad Orshaj: adny z gonaram, drugija – z prakljonom [We Remembered Battle of Orsha: Some with Pride, and Others with a Curse]. In *Zvyazda*, 1993, 09 sept.

The article was submitted on 10.03.2017